

«Baltistica. Baltų kalbų tyrinėjimai», I (1).
Vilnius, 1965; I (2), 1966

Группой литовских лингвистов начат выпуск нового журнала «Балтистика. Исследования по балтийским языкам», два выпуска которого лежат перед нами. Потребность в таком специальном издании, о которой говорится также во вводной статье К. Корсакаса «Балтистика и славистика», ясна без лишних слов. Публикациям из области баллистики всегда отводилось видное место в индоевропейских и славистических журналах, в Италии до войны активно выпускался журнал «Studi baltici», в последнее время в Польше начата публикация издания, посвященного всему комплексу балто-славянской проблематики, — «Acta Baltico-Slavica» (Белосток). Разумеется, отсутствие до недавнего времени в наших прибалтийских республиках научного журнала по балтийскому языкознанию никак нельзя было признать нормальным, поэтому выход в свет нового журнала «Baltistica» — издания, обращенного к международной научной аудитории (ср. намерение редакции печатать статьи, кроме литовского и латышского, также на русском и других основных европейских языках), будет, бесспорно, повсеместно оценен как крупное событие и ценная инициатива литовских ученых, объединяющихся вокруг кафедры литовского языка Вильнюсского университета им. В. Капсукаса.

Журнал намечено выпускать ежегодно томами (по два выпуска в каждом томе). Том I, который вышел, таким образом, уже полностью, содержит, при своем небольшом объеме, много интересных статей и материалов по сравнительному языкознанию, литуанистике, этимологии и ономастике, изучению субстратов. В этой краткой рецензии мы не можем в равной мере подробно охарактеризовать все содержание настоящего тома. Укажем лишь, что внимательного изучения заслуживает статья В. Мажюлиса «Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии» (вып. 1, стр. 17—30), а также важная для этимологии статья С. Каралюнаса «К вопросу об и.-е. *s после i, u в литовском языке» (вып. 2, стр. 113—126), хотя последнему автору, может быть, и не удалось одинаково убедительно интерпретировать все случаи.

Вполне естественно, что нас здесь в первую очередь интересуют этимологические работы, помещенные в новом журнале. В Урбутис в статье «Этимология нескольких диалектных синонимов слова *trušpas*» (вып. 1, стр. 67 и сл.) разбирает одно за другим местные слова со значением 'короткий'. При этом *bigas* 'короткий, маленький' производится от глагола **bigti* 'бить', ср. семаснологическую типологию термина 'короткий' в разных индоевропейских языках (< 'резать', 'рубить', 'бить'). Диал. лит. *biznas*, *bizdras*, *biskas* 'короткий, дуцкий' неуверенно сближается в этой статье, с одной стороны, с лит. диал. *biēsti*, *biēdžia* 'колоть, бить', с другой стороны, — с *bizas* 'овод', наконец — *bizdauti*, *bezdėti* 'выпускать ветры', *bizdė* 'короткая куртка'. Автор оставляет вопрос без окончательного ответа, между тем некоторые типологические аналогии подтверждают именно последнюю возможность. Ср. русск. (простореч.) *шубзди* 'коротышка' < *шу-*, экспрессивный префикс, + *бзди*: *бздеть*. Редкое лит. *kusy*, *kešy*: *kasač*. Урбутис обращает по ходу дела внимание на то, что балтийские языки имеют, вопреки мнению Брюкнера, соответствия славянскому *biti*, ср., например, лит. *býdyti* 'гнать'. Небольшая заметка А. Сабалюкаса «Относительно происхождения лит. *šaukštas*» (стр. 83—84) содержит очень правдоподобную этимологию этого оригинального литовского названия ложки, а именно: **šaukštas* < **šauštas* < **šau-stas* от лит. *šauti* в значении 'совать, сажать (в печь)'; сходную мысль высказывал еще Яблонскис. В. Жулис («История нескольких редких слов», вып. 2, стр. 151 и сл.) вскрывает прусское происхождение слов *dragės* pl. t. 'дрожжи; осадок' (в переводе библии Бреткунаса), *ešketras* 'осетр', *lygius*, *lygus* 'суд'; *lonė* 'лань' характеризуется как полонизм. Слависта может заинтересовать

сближение лит. (стар.) *skrieliiai* мн. 'крылья': польск. *skrzydle* pl. t. 'жабры, плавники', с.-хорв. диал. *krèlja* 'жабры'. А. Сабаляускас («О происхождении лит. *šėrnas*», вып. 2, стр. 162—163) связывает лит. *šėrnas* 'дикий кабан' с лит. *šerŷs* 'щетина'.

Второй выпуск тома посвящен в немалой степени балтийской ономастике и ономастической этимологии: Б. С а в у к и н а с. К проблеме западно-балтийского субстрата в юго-западной Литве (стр. 165 сл.); К. К у з а в и н и с. Etymologica, I. К вопросу о происхождении балтийских этнонимов; II. Этимологические заметки о балт. *el-/al-* 'течь' (стр. 177 сл.); А. В а н а г а с. Относительно образования и происхождения местного названия *Labgavà* (стр. 185 сл.).

Особенно заметной публикацией такого рода является статья В. Н. Топорова «К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы» (вып. 2, стр. 103 и сл.). Работа Топорова посвящена переинтерпретации старой топонимии от Поморья до Гольштейна. Автор полагает возможным говорить о значительности балтийского элемента в местных названиях этих территорий. Названия, которые в равной мере могут считаться и балтийскими и славянскими, Топоров относит к балто-славянскому топонимическому фонду, высказывая тут же свою интересную точку зрения о языковой стороне этой проблемы. Последние десятилетия явились свидетелями того, как районы древней балтийской топонимии были распространены к востоку от Днепра, до Оки, на юго-восток — за Десну и Припять. На юго-запад зона более или менее однородных топонимов прослеживается от Прибалтики до Адриатики (работы Краз, Топорова и др.). Теперь, как видим, зона распространения балтийского элемента расширяется и в западном направлении — до низовьев Эльбы. Это, пожалуй, превосходит по масштабам поиски древнего ареала иллирийских элементов, который в свое время мыслился очень широко, пока Краз не выступил с указанием, что многое фигурирующее в литературе под маркой иллирийского надлежит отнести к еще не дифференцированному в языковом отношении слою древнеевропейской гидронимии. Видимо, те же ограничения полезно иметь в виду и в случае с древнебалтийским топонимическим ареалом. Новые топонимические сближения в настоящей статье Топорова заслуживают внимательного изучения. Они, бесспорно, углубляют разработку вопроса, проведенную некоторыми предшественниками (прежде всего Г. Шаллем), и лишь в некоторой части ослабляются несовершенством письменной фиксации сравниваемых названий. Отдельные случаи могут вызвать споры, ср. *Stobno, Stobeno, Stobene, Stoben, Stuben, Stobeniz* (в эльбско-прибалтийской топонимии Германии), сближаемое с др.-прусск. *Stabayen, Stabingen*, далее — с апеллативом др.-прусск. *stabis* 'камень'. Нельзя тут не вспомнить старых славянских гидронимов вроде (лог) *Стобной*, бассейн Дона, *Стебник* (по Днестру), *Izdebne* (по Висле), наконец, *Избец* (на Днестре), которые могут быть более органически связаны с приведенными выше славянскими топонимами Северной Германии, чем локальные балтийские производные от западнобалтийского названия камня. *Wocnizia, Wocniza*, полаб. *Wakenitz*, сближаемое Топоровым с др.-прусск. *Wachenn*, давно удовлетворительно объяснено как целиком славянское название, тождественное, например, польскому *Oknica* в западной Польше.

О. Н. Трубачев

Wanda Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej.

Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, 357 стр.

Монография В. Будзишевской служит закономерным продолжением ряда работ славистов польской школы, посвященным выявлению состава праславянского словаря. Цель работы автора — показать связи между с